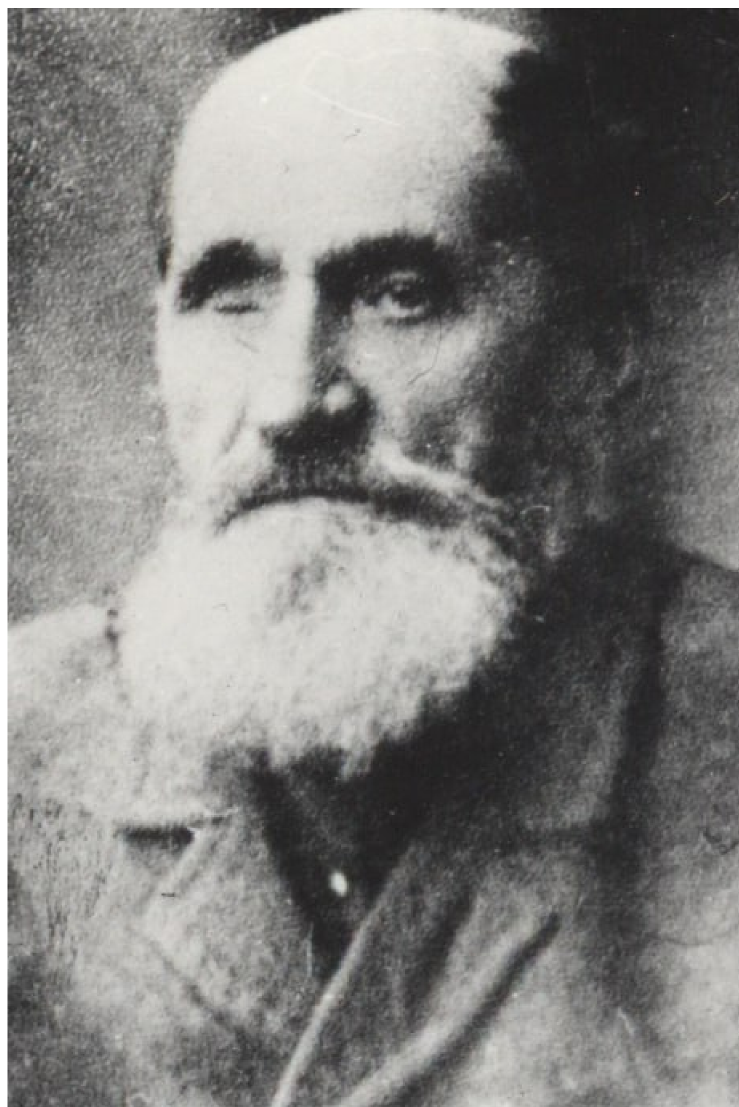
Материал для истории русских баптистов. Как я отпал от православия. Одиннадцать лет ссылки. Брат Иван Лясоцкий

Из записок ссыльного. ***Джебраил, 21 июля 1901 г.***

По прочтении записок ссыльного баптиста Ивана Лясоцкого, один из его братьев по вере просил его записать и историю его обращения в баптизм, которую Лясоцкий изложил в письма, помещаемом здесь.

Глубокоуважаемый брат Василий Гурьевич! Письмо твое от 7-го сего июля я получил 17 июля же. История моего обращения и жизни следующая:

Я коренной жителе села Косяковки, Таращанского уезда, Киевской губернии. Служил я волостным писарем в селе Чаплинке, того же уезда, в 7-8 верстах от селения Косяковки. Осенью 1871 г. приехал в Чаплинку житель с. Чаплинки Герасим Балабан за получением паспорта, так как он проживал в Херсонской губернии. Слух прошел что он штундист, о чем, конечно, узнал и поп, с которым я жил в дружбе, да еще попадья, — она кумовала у меня. Поп просил меня и волостного старшину задержать Балабана для того, чтобы он мог с ним поговорить и увещевать его, как овцу своего стада. Просьба попа была уважена, и он приглашал Балабана каждый день на беседу в волость, каковая беседа была всегда в моем ближайшем присутствии, и я ретиво наблюдал за речами как одного, так и другого, также и за текстами Священного Писания, которые указывал Балабан попу, и часто ставил попа в тупик. Так продолжалось собеседование не менее месяца, и я признал в моей душе правду на стороне Балабана, и к нему склонилась моя душа и жена моя тоже. Наконец, поп официально заявил начальству об аресте Балабана и в волость последовала бумага о невыдаче Балабану паспорта впредь до особого распоряжения.

После этого я стал ближе к Балабану, чем к попу. Часто мы с ним беседовали из Св. Писания. Наконец и другие люди начали вступать в разговор с Балабаном и убеждаться в справедливости его слов, так что по вечерам у нас начались собрания в отделанных домах. Многие приглашали к себе в дом для беседы, и все жаждали этого. Потом Балабан просил меня о выдаче ему

секретным образом проходной, дней на 15 в Херсонскую губернию, чтобы взять оттуда славянскую Библию с ссылками. Все это было сделано, и у нас начались открытый собрания, куда стекалась масса народа. А поп уже не рад был, что задержал Балабана, и хотел бы освободите его, но уже было поздно. Таким образом Балабан прожил в Чаплинке целую зиму.

Поп, заметив, что я подружился с Балабаном, сделался для меня из друга врагом и начал ходатайствовать пред мировым посредником об удалении меня из волости. Но мировой посредники, в уважение просьбы попа, перевел меня в другую волость, где я нажил вместо одного попа — двух и диакона третьего, где, конечно, волей-неволей, приходилось беседовать с ними. И я в другой волости служил не боле 6 месяцев: попы до того наскучили мировому посреднику, что он не мог боле держать меня и я был совершенно уволен, и пошел восвояси, в с. Косяковку. Весною 1872 г. я начал заботиться о постройке себе хатёнки.

Балабана заключили в тюрьму, а в Чаплинку командирован был помощники станового пристава с одним городовым для преследования и уничтожения собрания. Затем, в первых числах августа 1872 г., съехалась духовная комиссия, собрали нас всех в г. Таращу, так как слово Божие уже распространилось и в других селениях. Из селения Плоского взяли 3-х: Феклу Богдашевскую, Павла Цибульского и Иосифа Тышкевича; из с. Чаплинки: Якова Коваля, Клементия Терещука и Якима Белого; из деревни Шушковки: Артема Водяницкого и Константина Лепнеченко; из с. Косяковки меня и моего родного брата Гавриила. Всех нас представили в духовную комиссию, которая требовала от нас выяснения нашего основания и увещевала оставаться преданными православной церкви. Но так как нисколько в этом не успели, то 8-го августа 1872 г. заключили нас тоже в тюрьму в городе Тараща, где нас с Балабаном составилось 11 душ. Продержав нас в тюрьме в Таращ до мая 1873 г., некоторых из братьев освободили, а меня с братом, Богдашевскую, Цибульского, Тышкевича, Коваля, Терещука и Белого отправили в Киев и чрез несколько дней представили в Киевскую Судебную Палату, которая приговорила меня с братом, Коваля, Терещука, Богдашевскую и Цибульского на 6 месяцев высидки в смирительном доме, а за неимением такового — в тюрьме; остальных оставила только в подозрении. Прокурор, полагавший сослать нас в Закавказский край, остался недоволен решением палаты и опротестовал дело, послав его в сенат. После чего мы, вместо 6 месяцев, просидели в тюрьме более полтора года. Белый и Тышкевич умерли в Киевской тюрьме, а нас всех, по распоряжению министра, освободили 29-го декабря 1874 г.

В период времени заключения в тюрьме жена моя и двое детей умерли. По освобождении я 19-го января 1875 г., женился на одной девушке, которая также содержалась в тюрьме 9 месяцев за религиозное убеждение, в числе всего семейства, состоящего из родного её брата и зятя с женою, с одного с нами уезда.

Когда мы находились в Киевской тюрьме, Балабан, освободившись из Таращанской тюрьмы успел распространить в Чаплинке и Косяковке учение о ненужности крещения водой и преломления хлеба, чего я в нем прежде не заметил. Таким образом, мы, по прибытию из тюрьмы, нашли массу последователей; но все они противились учению о крещении и преломлении хлеба и относились к этому даже с насмешками. Только мы с братом двое остались верны своим убеждениям и много пришлось нам терпеть различных насмешек и хулы по поводу крещения и преломления. Но, наконец, некоторые начали присоединятся к нам. После чего я с братом

отправился в Херсонскую губернию, в деревню Основа, к Михаилу Ратушному, от которого приняли крещение в июле 1876 г.

По возращению в Косяковку, церковь начала возрастать и насчитывала почти до ста членов. Собрание было свободно и открыто среди дня. Никто не преследовал только был командирован один городовой для присутствия в собрании в виду того, что духовенство причисляло нас пред правительством к социалистам. Затем, когда правительство перестало нас притеснять, то начали друг друга притеснять: начались споры, разноглася, упреки (я полагаю, что тебе не безызвестны разные споры и укоры между братством). Видя споры и разногласия между братьями, мне показалось это до того противным, что я воображал, что и в язычестве так не бывает. При этих моих размышлениях, враг души человеческой, стал нашептывать мне, что такая жизнь вовсе не христианская, что я могу быть истинным христианином вернувшись в православие, дабы избавиться от подобных раздоров, разногласий и споров. И, конечно, не долго пришлось мне бороться с подобными размышлявшими: я поспешил привести их в исполнение в июле 1886 г.

По исполнены же моего намерения, открылись глаза моей совести, и я не знал, что мне делать. Я чувствовал в сердце моём адский пламень, которыми, палилась моя совесть. Я видел, что вся природа указывала на меня пальцами, что я сделался изменником. Все деревья своими листьями как бы шептались между собою о моем изменничестве. Я считал бы себя счастливым, если бы кто из оставшихся верными братьев промолвил ко мне хотя одно словечко. Но, увы! — все сторонились меня. Словом — я стал противным самому себе. В таком положении я жил некоторое время и всегда искал случая, чтобы иметь какое-нибудь общение с братьями и мне очень желательно было бы сделать им какое-нибудь добро, доступное моей силе.

В таком очень тяжелом положении я жил; как вдруг приехали ко мне два человека из другого селения, жившие за 40 верст от меня, недавно отступившие от обрядов православной церкви в числе душ 40. Из них одного посадили в тюрьму, и они хотели написать о нем прошение министру, и, хотя впоследствии открылось, что они не одного со мною убеждения, но я чистосердечно желал сделать им добро. Я с радостью написал им прошение и за них, неграмотных, расписался. После этого правительство признало, что я притворно возвратился в православие, чтобы удобнее было действовать между сектантами и совращение этих 40 душ приписали именно мне. Но я не знал их лично, кроме двоих, приезжавших ко мне писать прошение. И за это мне воспрещено было жить в Киевской губернии. И с этого времени началась моя ссылка на коровах в июле 1889 г. в Херсонскую губернию; затем в Бендеры, на Горькую Балку и так далее, что тебе уже известно*. Эту ссылку я облобызал любезно в моей душе, ибо я видел в ней величайшую милость Божию и Его всемогущую руку, которою Он извлекал меня, как бы со дна ада. Поэтому, при всех постигавших меня горестях, бедствиях и лишениях детей и прочее, я радовался в Господе. И так, до прибытия в Гирюсы, я считался как бы отпавшим в очах людей, но не перед Богом. А в Гирюсах в 1891 г., при большом собрании братьев, сосланных туда с разных сторон, в том числе в присутствии М. Кальвейта из Тифлиса, Ф. П. Костромина и многих других, я был принят в члены церкви и в таком положении нахожусь по сие время. Надеюсь на Бога, что Он не пустит меня из Своей всемогущей десницы и что в его руке я окончу определенное мне земное поприще.

Прошу извинения за столь длинное изложение моей истории, так как я не одарен смыслом,

чтобы мог изложите все в коротких словах и ясно. Прошу принять наш глубоко сердечный братский привет.

Искренне уважающий тебя И. Лясоцкий

Одиннадцать лет ссылки

Из Киевской в Херсонскую губернию

Селение Косяковка, Таращанскаго уезда — местожительство моих предков, где я жил до 48-ми летнего моего возраста (1889). В это время, за религиозное мое убеждение господин Киевский губернатор запретил мне жить в Киевской губернии, с правом избрать новое местожительство в другой губернии, где я пожелаю. Хотя я сначала не соглашался избрать сам таковое, не соглашался на распоряжение властей, чтобы они сами определили мне жительство и выслали, смотря по достоинству заслуженной мной вины, но в конце концов, по совету местных полицейских чиновников, я согласился и избрал местожительство в Херсонской губернии. Но, как власть обязательно требовала указать уезд и селение, то я указал на селение Заблоцкое, Ананьевского уезда, где жил мой сводный брат, посредством которого я надеялся найти скорее служебное занятие при тамошних многочисленных экономиях. На этом основании, 1-го мая 1889 года, отправился я в путь один, по проходному свидетельству, выданному приставом I стана Таращанского уезда, 30 апреля того же года, а семейство пока оставил в селении Косяковке. Кроме того, проходного свидетельства, я взял из Таращанской мещанской управы месячный билет, но пристав не преминул отобрать его от меня и приобщить к прочим обо мне бумагам, отсылаемым при отдельном пакете к Ананьевскому уездному исправнику. Подробное мое путешествие в одиночестве от с. Косяковки до города Ананьева, по давности времени, не припомню. По прибытии к Ананьевскому уездному исправнику, как посланные обо мне бумаги из г. Таращи еще не были получены, то до получения таковых мне пришлось ожидать несколько дней. По получении же бумаг, уездный исправник выдал мне на руки бывший при бумагах мой месячный билет и разрешил разыскивать место по уезду. Получив на руки свой билет, я немедленно отправился в с. Косяковку за семейством. Распродав кое-что из бывшего у меня хозяйства, я запряг в повозку пару коров, которыми я пахал землю, по общепринятому там обычаю (беднейшие из хозяев пашут коровами, а вместе с тем и молоком пользуются); положил пудов 15 муки, нанял еще пароконную подводу, упаковал всё свое хозяйство и харчи на две подводы и, в июне месяце 1889 года, с тяжелыми сердечными вздохами и немалыми слезами, тронулись в путь к новому неопределенному местожительству с семейством, состоявшим из 10 душ, и включительно со старшей девочкой 13 лет, а остальные дети один другого меньше. Благодаря июньской теплой и благоприятной погоде, не пришлось испытывать особых горестей. По приезде в с. Заблоцкое, я не застал там брата, на которого я рассчитывал, и с не малым усилием поместил свое семейство в квартире женщины, где жил вышеуказанный мой брат. Знакомого мне там более никого не было; а сам отправился искать служебного места. Чрез дни 5-6, в расстоянии не более 15 верст от с. Заблоцкаго, на Шишкинском хуторе, меня обнадежили, что служащий там конторщиком, некто Иванов, хочет рассчитаться, а я могу поступить на его место. А до того времени я должен заступить место простого экономического работника. На таком основании я переехал на хутор Шишкин, поместив семейство в отведенной мне экономической хате, сам начал ходить на экономическую работу. Не прошло и двух недель, как в экономию

приехал полицейский урядник с целью узнать обо мне, нахожусь ли я в уезде. Когда же помещик Шишкин узнал от урядника о положении моего дела, что я состою под полицейским надзором, то строго на строго приказал, чтобы в течение суток моего семейства не было на его хуторе. Запрягаю я своих коров, забираю семейство и переезжаю обратно в с. Заблоцкое; но уже на этот раз та женщина отказалась принять семейство в свою квартиру, а за наем последней требовала с меня по 1 руб. в неделю. Так как у меня была ещё своя мука для пропитания семейства и рублей 20 денег, то я, наняв для семейства квартиру, отправился опять искать служебного места. В 1889 году, в Херсонской губернии урожай хлеба был плохой и потому место было найти очень трудно. Долго пришлось мне странствовать по Ананьевскому уезду, из одной экономии в другую. Наконец, вблизи местечка Ляховой, (название селения забыл), у помещика Бантышанского случилось мне место конторщика. Но, так как я, по большей части, знаком с письмоводством волостных, сельских и мещанских управлений, а не экономических, в чем я, конечно, сознался, то он, Бантышанский, оставил меня для испытания на две недели при своей экономической конторе. Оставалось не более 2-3 дней до окончания двухнедельного срока, после которого я должен был взять экономическую подводу и представить туда своё семейство, так как я был признан способным быть в экономии, как вдруг приехал в экономию из местечка Ляховой писарь и передал тому помещику, что есть распоряжение о запрещении мне жить в Херсонской губернии. Тогда Бантышанский сказал мне, чтобы я сходил в г. Ананьев к исправнику, и узнал, действительно ли воспрещено мне жить вообще в Херсонской губернии или, быть может, только служить по волостным и сельским правлениям. В последнем случае Бантышанский соглашался держать меня в своей экономии, почему и велел, по справке, возвратиться к нему обратно.

Пошёл я опять к ананьевскому уездному исправнику, удрученный немалою скорбью, и явился к нему 5-го Августа 1889 года. Он объявил мне, что, по распоряжению Одесского генерал-губернатора, воспрещается мне жить в Херсонской губернии, а должен я опять избрать местожительство в другой губернии. Причём отобрал у меня мой паспорт и выдал мне двухдневное проходное свидетельство для следования в с. Заблоцкое (место пребывания семейства), где я должен ожидать распоряжения пристава 1-го стана, ананьевскаго уезда. В течение времени странствования моего для разыскания места, у семейства моего истощился запас хлеба и денег, так что нечего было кушать и не за что было нанимать квартиры. Но как, по предъявлении мною сельским властям проходного свидетельства, я до приезда пристава, находился почти под арестом, то меня с семейством поместили во второй половине сельской расправы, куда люди, боящиеся Бога, приносили кто хлеб, кто муку и другие съестные припасы и так мы харчились. Коровы же наши, в продолжении всего времени со дня приезда в Заблоцкое, паслись на пастбище тамошнего арендатора-немца бесплатно.

Таким образом ожидал я распоряжения пристава с 5-го Августа до 1-го Сентября и, не получая долго никакого распоряжения, убитый горем и скорбью, я отправился к полицейскому уряднику в м. Мариновку, отстоящую от с. Заблоцкаго в 5 верстах (*1 верста = 1,067 км*), с целью узнать, нет ли какого-нибудь распоряжения обо мне от станового пристава и если нет, то отправиться к самому приставу в м. Голту, в расстоянии 40 верст от с. Заблоцкаго. Когда я вошел в комнату урядника, то увидал там какого-то неизвестного мне господина, в присутствии которого я расспросил урядника о положении моего дела и, не получив никакого удовлетворительного результата, я вышел, стал среди местечка (это было в базарный день), и стоял, не зная куда

идти и что делать. При чем, не мог выпустить из мысли мое семейство, оставшееся без всяких средств. При таких моих горестных и скорбных размышлениях, господин, которого я не более как за полчаса пред тем видел в комнате урядника, расспросив последнего о моей личности и о положении моего дела, неожиданно предстал предо мною, спросил мою фамилию и после моего ответа, начал утешать меня словами Священного Писания, уверяя, что таким образом Бог испытывает нашу веру и многие другие утешительные речи предлагал мне, чем не мало меня поддержал и утешил. После довольно продолжительного со мною разговора и утешения, прощаясь, пожелал мне всего хорошего и при этом, подавая мне свою руку, всунул в мою руку 15 руб. кредитными билетами и ушел. После чего я стал вне себя от радости и много прослезился, поблагодарив Бога за чудный и неисповедимый Его о нас промысел. Как я узнал потом, господин тот был доктор Ланевский, недавно овдовевший и которого жена была принята в церковь (баптистов) — христианка, по смерти которой он не стыдился приехавших на погребение её в экипажах высокопоставленных лиц, пригласив братьев отпевать и погребать свою жену.

После ухода моего неожиданного друга, я сейчас же купил себе сапоги, так как был полубосой и отправился в м. Голту к становому приставу. По прибытии туда, последний объявил мне то же, что и уездный исправник и при этом предложил мне избрать местожительство в другой губернии. Я отказался избрать, сказав:

— Пусть правительство само посылает меня, куда хочет, так как я более не знаю, где избрать жительство.

— Хорошо, — сказал он мне на это, — если ты предаешься на волю правительства, то я сейчас арестую тебя и отправлю в Ананьев для дальнейшего распоряжения. Что же касается твоего семейства, то оно пусть идет хоть в воду; нам оно не нужно; это твоя добрая воля, что ты взял его с собой; нам нужен ты один.

После некоторого молчания пристав сказал мне:

— Если хочешь, послушай меня, я тебе посоветую, как отец: зачем тебе отдавать себя на волю правительства, когда оно не стесняет тебя, а предоставляет право самому свободно избрать жительство, где хочешь? Оно пошлет тебя туда, где едят кору вместо хлеба. Ты избери г. Бендеры, Бессарабской губернии; я знаю эту местность; это город хороший и тебе там будет хорошо жить. Если ты послушаешься моего совета, то я завтра еду в м. Мариновку, возьму с собой тебя, выдам тебе проходное свидетельство, ты поедешь себе с Богом. Вот, я даю сроку тебе два часа, пойди, обдумай и приходи, скажи мне.

Пошел я в местечко и, волей-неволей, должен был согласиться на его совет ради семейства, так как обратно в с. Косяковку нельзя было возвратить его, ибо земля, на которой я жил, была арендная и уже поступила в аренду в другие руки, а построенный на ней домишко продан на слом. Итак, я на другой день приехал с приставом в м. Мариновку к полицейскому уряднику, где было выдано мне проходное свидетельство на 7 дней, в течение которых я должен был прибыть в г. Бендеры. Придя к своему семейству в с. Заблоцкое, я запряг свои коровы, усадил на повозку жену и детей и мы, с немалыми скорбными стонами, отправились в путь опять к новому месту жительства, в город Бендеры.

Из Ставропольской губ. в с. Гирюсы

По приезде в село Никольское, овцеводы, братья Прянишниковы, приняли нас в свой дом, где мы пробыли несколько времени их гостями. Потом они отвели нам бесплатную квартиру в своей экономии, куда я ходил на поденную работу, когда таковая случалась, а жена занимала место кухарки в их же кухне. Не имея в виду более никакого переселения, я начал приступать к занятию хозяйством. При содействии тамошних некоторых братьев, я посеял две десятины пшеницы, но к сожалению, не пришлось нам ее убрать. Мы прожили спокойно в селении Никольском с 1-го августа по 20-е декабря 1890 года. А потом подоспели к нам опять новые скорби. 20-го декабря 1890 года тамошний сельский староста предъявил мне бумагу, чтобы меня с семейством немедленно арестовать и препроводить к становому приставу в м. Воронцовку для отправления в г. Ставрополь, а затем в Закавказский край.

И так недолго продолжалось мое хозяйство в Ставропольской губернии, оно не длилось и 5 полных месяцев.

Нас немедленно отправили сельским этапом в селение Воронцовку к становому приставу, а оттуда в г. Ставрополь тоже сельским этапом через Александровское уездное правление, тогда мы узнали, для чего Бог отобрал от нас наших детей, и оставил только четырех старших, более взрослых. Он знал, что нам предстояло зимой идти этапом и с малыми детьми было бы очень трудно, поэтому Он сделал нам облегчение. Таким образом, праздник Рождества Христова застал нас в дороге, во время следования сельским этапом в г. Ставрополь, куда мы прибыли 29-го декабря 1890 года.

В Ставропольском губернском правлении объявили мне, что, по распоряжению Министра Внутренних Дел, я посылаюсь в Закавказье на 5 лет, считая этот срок с 20-го сентября 1890 года. После чего, отправили нас в ставропольскую тюрьму до отправления этапа. Просидевши в Ставрополь.

В ставропольской тюрьме, пробыв две недели, нас отправили военным летным этапом в местечко Армавир Кубанской области. В семи верстах от г. Ставрополя, по пути в Армавир, находится большая гора длиною 7 верст, на которой постоянно царит сильный ветер, так что человеку трудно устоять там на ногах. Когда мы спускались с той горы, была сильная метель, и на горе бушевал такой ветер, что мы едва не погибли все вместе, потому что ветер дул с такой неимоверной силой, что тащил всех нас в находящуюся там пропасть. И только особенной милостью Божьей мы спаслись там от смерти. Сани с продуктами и солдатской одеждой ветер опрокидывал и тащил вместе с лошадьми... Конвойные солдаты, опираясь штыками о землю, с большим усилием поддерживали всех нас, и таким образом, с большой опасностью, мы спустились с той горы и, по милости Божьей, спаслись. Дети поморозили уши и колени так, что и теперь ощущается боль. Через семь дней мы прибыли в м. Армавир. В армавирской тюрьме прожили до этапного дня три недели. В тамошней тюрьме особенного стеснения не было, камеры все открыты целый день.

Из армавирской тюрьмы нам суждено было опять увидеть ненавистную для нас ростовскую тюрьму и прожить в ней две недели. Из Ростова отправили нас в г. Новороссийск, а затем, после двухнедельной тюремной жизни, нас отправили из Новороссийска пароходом в г. Батум. В батумской тюрьме мы прожили также около двух недель, но там жить было очень хорошо, так как

смотритель тюрьмы хорошо был расположен к нам: не отделяя меня от семейства, отвел для нас одну секретную камеру, и мы там жили как дома; камеру запирали только на ночь, а днем мы, всем семейством, входили и выходили свободно; дети всегда свободно играли во дворе. Из Батума отправили нас в Тифлис, где мы просидели в тюрьме 21 день; тюрьма эта своим порядком и обхождением похожа на ростовскую тюрьму. Из Тифлиса нас отправили в Елисаветполь, где просидели в тюрьме тоже недели две, а затем отправили нас в Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии, в селение Гирюсы. Из Елисаветполя ехали мы туда сначала три станции по железной дороге, до станции Евлах Закавказской железной дороги. От Евлаха, после дневки, отправились пешим этапом до города Шуши. В шушинской тюрьме только переночевали, и на другой день, по приказанию шушинского уездного начальника, наняли на свой счет фургон до селения Гирюсы — места нашей ссылки. Заплатили по 1 рублю с души. Всех арестованных было 22 души. На место нашей ссылки в Гирюсы приехали как раз в первый день праздника Пасхи, часа в 2-3 по полудни в 1891 году при весьма ненастной и холодной погоде. Благодаря бывшему уже там нашему ссыльному брату Созонту Капустинскому, который с семейством своим из 8 душ прибыл в с. Гирюсы раньше нас, мы могли воспользоваться его гостеприимством, потому что он, в ожидании нашего приезда, приготовил самовар и, по приезде, угостил нас чаем и обогрел от холода.

Из Гирюсов в Джебраил (*военный пост , расположенный при реки Аракс , на персидской границе*)

По приезде и водворении в Гирюсах я уже более не думал ни о каком переселении до конца, назначенного 5-летнего срока, но ошибся!

В Гирюсы прибыли в первой партии с Капустинским восемь человек одного исповедания с нами; с нашей партией прибыло 22 души разных сект, а затем еще много пригоняли административно на 5 лет и, по большей части, баптистов. Таким образом, баптистов собралось более 30 душ, кроме детей. А потому и собирались по воскресеньям и другим дням на молитву в моей и Капустинского квартире. В таком положении мы проводили время со дня прибытия нашего в Гирюсы (с 1-го апреля 1891 года до декабря месяца того же года). В декабре месяце полицейский пристав признал всех нас одного вероисповедания и спросил, собираемся ли мы на молитву и где именно? Ему дан был ответ утвердительный, с указанием на мою и Капустинского квартиру. Об этом донесено было губернатору, а сей последний донес Главноначальствующему на Кавказе. На это донесение, в конце февраля или в начале марта месяца 1892 года, от Главноначальствующего последовало распоряжение о высылке нас из Гирюсов поодиночке: меня в урочище Джебраил, а Капустинского на станцию Тертер Джеватского уезда Елисаветпольской губернии. Таким образом, пришлось нам прожить в Гирюсах ровно один год, ибо в Гирюсы мы прибыли 1-го апреля 1891 г., а из Гирюсов выехали 31 марта 1892 г.

Из Гирюсов нас препроводили глухою вьючною дорогою, где повозкой невозможно проехать. Я должен был нанять на свой счет четырех верховых лошадей для себя и семейства, так как здесь на казенный счет не дают лошадей для арестованных.

Если бы я согласился быть отправленным на казенный счет, то мне одному связали бы руки назад и повели, а до семейства им нет дела: если хочет, пусть едет или не едет. Здесь арестованных препровождают так: свяжут ему назад руки, а конец веревки, которой связаны

руки арестованного, держит в руках провожатый всадник, который едет верхом и иногда подгоняет арестованного нагайкой по плечам, а всадник, по большей части, татары. По этой причине я должен был волей-неволей нанять лошадей. На одной лошади я ехал сам, на другой — жена с грудным ребенком, на третьей — два старших мальчика, а на четвертой — старшая дочь с меньшим мальчиком. Кроме того, на каждой лошади было навьючено понемногу вещей, из которых состояло наше имущество.

Из Гирюсов, если ехать почтовой дорогой в Джебраил, будет более 200 верст, а вьючной дорогой, по которой нас препровождали, всего только 60–65 верст. Сопровождал нас только один всадник. Проехав дневной путь, мы переночевали в одном татарском ауле.

На другой день нам предстояла опасность перехода через одну горную речку, которая разделяется на четыре или пять рукавов, быстро мчащихся с гор. При переправе через эту реку особое проявление Божье управляло нами, ибо вода очень быстро текла, так что даже лошадей сбивала с ног. Но по милости всевышнего Промысла Божьего, с немалым страхом, мы переправились благополучно и прибыли в Джебраил часов в 9 вечера 1-го апреля 1892 года. Наем лошадей от Гирюсов до Джебраила стоил 16 рублей.

По приезде в Джебраил переночевали в уездном управлении, а утром 2-го апреля меня с семейством позвал к себе на дом уездный начальник и строго приказал ни с кем из русских солдат или казаков не сообщаться и ничего не говорить, в противном случае тотчас же угрожал надеть кандалы на ноги и посадить в тюрьму и телеграфировать куда следует.

Получив такое строгое приказание, я отправился искать квартиру и нашел таковую за 1 руб. 20 коп. в месяц. Квартира эта составляла помещение, где прежде стояли лошади. С немалой скорбью и обильными слезами пришлось жене моей обмазывать потолок и стены в этой квартире и мне самому устраивать русскую печку. Здесь, вообще, в жилых помещениях нет русских печек, но лишь бухары в стенах (*бухара — это особый тип отопительной печи, распространённый в Средней Азии и некоторых регионах России. В отличие от традиционной русской печи, бухара представляет собой встроенную в стену конструкцию с прямым дымоходом. В отличие от русской печи, которая служила многофункциональным устройством (обогрев, приготовление пищи, выпечка хлеба), бухара выполняла в основном отопительную функцию. Её конструкция была проще, а теплоёмкость ниже*).

Таким образом, мы принуждены были жить здесь в ожидании окончания 5-летнего срока ссылки, до которого со времени прибытия нашего в Джебраил оставалось еще 3 года, 4 месяца и 20 дней. Окончания срока мы ожидали с невыразимо торжественной радостью, питая надежду выехать из среды татарского населения к русскому народу и особенно к единоверцам, дабы порадоваться и вознести единодушные молитвы к алтарю Царя Царствующих.

До окончания 5-летнего срока последовал всемилостивейший манифест от 14 ноября 1894 года, и на основании последних строк § 10 того же Манифеста следовало бы и нам сократить срок наказания и затем освободить. Но по ходатайству людей, праотцы которых некогда получили народ кричать: «Варавву освободи, а Иисуса погуби» (Мф. 27:20), манифест этот был применен к ворам и разбойникам, а к узникам, старающимся проходить земное поприще под руководством евангельского учения, он не был применен.

Наконец дождались мы и 20 сентября 1895 года для окончания срока наказания, каковой срок был один для десяти человек, из коих 3 умерли, а 7 находились в живых. Но так как из них никто не покаялся, т. е. не обратился в православие, то вместо освобождения, по общему совещанию департамента полиции, обявленному извещением от 13 сентября 1895 года за № 6551, всем назначены новые сроки ссылки. Тем, которые пробыли 5 лет в ссылке на одном месте, т. е. в селении Гирюсах, срок их заточения продлен еще на 4 года, а мне и Капустинскому, как переведенным в наказание в другие места, срок этот продлен был еще на 5 лет.

Из Ставропольской губернии мы, т. е. моя семья, выехали 6 душ. В Закавказье родилось 3 детей, и теперь семейство мое состоит из 9 душ.

Путешествие и странствование мое, насколько можно было упомнить, я описал, но скорбей, печалей и горестей, сопровождавших эти странствования, я не в состоянии описать — это выше моих сил. От города Бендер до с. Гирюсов пришлось побывать в 13 тюрьмах, а если считать пребывание в ростовской тюрьме 2 раза, то составится 14. Что же касается сельских арестантских, то этих не могу показать число по многочисленности их.

Теперь, после всех этих странствований и после отбытия пятилетнего срока наказания, остается нести другое 5-летнее наказание, коего срок начался с 20 сентября 1895 г. Бог знает, придется ли еще увидеться в своей жизни с родственниками, с друзьями и знакомыми, особенно с своими по вере, разделить с ними радость и горе, или, быть может, и кончить земное поприще в тесном и скорбном молчании среди татарского населения в Закавказье.

Но да будет во всем воля Божья! В настоящее время мне от роду лет 54. **Родился я 25 октября 1841 года.**

Проходя в мире сем через всякие горести и скорби, человек научается самим опытом соглашаться со Священным Писанием, что нет другого пути в вечное и блаженное Царство, кроме скорбного, тесного и тернистого пути, исполненного разного рода бедствиями, горестями, приключениями и грозящими опасностями (Мф. 7:13–15). Если сам Владыка неба и земли, Господь наш Иисус Христос, судимый безгрешный, не мог миновать этого скорбного пути и не имел где голову приклонить (Лк. 9:58), а также все святые, которых весь мир не был достоин, не прошли иным путем, кроме пути горестей, скорбей и озлобления (Евр. 11:36–38), то что мы скажем о себе, желая достигнуть вечного блаженства? Одно только остается — предаться в волю Божию, ибо «и волос с головы не пропадет» (Лк. 21:18), и молиться Ему, дабы послал терпение и дух твердости, чтобы все преодолеть силою Возлюбившего нас, — пройти это земное поприще до конца и водвориться в том блаженном и вечном приюте, где отерта будет всякая слеза с очей всех скорбящих (Откр. 7:13, 17; 1 Кор. 2:9). Да будет так!

Джебраил, 9 июня 1900 г.

Возлюбленный в Господе Иисусе Христе брат Василий Гурьевич!

Как уже известно, что после окончания пятилетнего моего заточения назначено было мне вторичное пятилетие в Закавказье. Срок второго пятилетия оканчивается 20 сентября текущего года, после чего дерзаю полагать крепкую надежду на всемогущий Промысел Божий, что Он благоволит положить конец моим узам. Ибо вчера уездный начальник объявил мне бумагу,

которою требуется от него сведение о моем поведении. Ввиду окончания срока 20 сентября, требуется от него заключение, находит ли он возможным меня освободить. Уездный начальник входит в мое положение и готов сделать для меня все то хорошее, что только с его стороны возможно. На основании изложенного, я вполне могу рассчитывать на освобождение 20 сентября. Но здесь является главный вопрос о средствах, необходимых для выезда из места заточения к детям, чтобы собрать их к одному очагу, а затем для всех вообще приискать средства к занятию трудом для обеспечения житейского быта. Поэтому я решился с моею всепокорнейшею просьбою по этому вопросу обратиться к тебе, дорогой братец Василий Гурьевич. Может быть, тебе известны такие благотворители, которые могли бы сколько-нибудь принять участие в настоящем моем положении, дабы я мог выехать из места заточения, собрать детей к одному очагу и, сколько Бог позволит, прославить Его великие единым семейным славословием, пением, духовными песнями и назиданием в Его божественном слове, к чему стремится и чего жаждет душа моя, как лань к потокам вод после десятилетнего моего одиночества и молчания в заточении. В чем осмеливаюсь полагать крепкую надежду на твое посредничество, что я не останусь, хоть сколько-нибудь, без поддержки.

Кроме вышеизложенного, я не могу умолчать, чтобы не высказать тебе, дорогой братец, еще и тех немалых скорбей, которые встречаются помимо оскорблений и гонений за веру. Дело в следующем.

У меня есть дочь Надежда, которая в Джебраиле достигла зрелого возраста. И я много скорбел, что нет людей одного с нами убеждения. Но вскоре, по совету некоторых братьев, обратился ко мне с перепиской ростовский на Дону почетный гражданин, некто Андрей Михайлович Капустянский, о котором многие братья, с которыми я вел переписку по этому вопросу в течение 6 месяцев, засвидетельствовали, что, хотя родители его православные, но он уже принят в братство и имеет твердую веру, которой многие удивлялись. На этом основании я согласился выдать за него нашу дочь в замужество, выслать ему ее фотографическую карточку.

После чего он немедленно приехал в августе 1896 г. в Джебраил, взял ее, заехал в Тифлис, где она была крещена и там же сочетали их браком 18 августа 1896 г.

После того они жили, как не надо лучше жить христианским супругам. Он служил на железной дороге чертежником, получал жалованья 75 р. в месяц. 14 июля 1899 г. родился у них сын Михаил, который и теперь жив.

Наконец, на Рождество 1899 г. случилось неслыханное для нас событие: приехала какая-то давно знакомая его матери девушка-сирота, имеющая в Таганроге дом стоимостью в 5000 руб. и такую же цифру наличного капитала. Он, обольстившись этой девушкою и приданым, оставил дочь нашу с семимесячным ребенком на произвол судьбы, возвратился в православие, обвенчался с этой девушкою и уехал куда им хотелось, оставив Ростов. По слухам, он с своей новой женой Марией Васильевной оказался в Петербурге, где, как видно из сообщения наших детей, был в собрании. Он уверяет, что он за эту его проделку прощен Богом, и вместе с тем, как бы насильно, вымогает прощение от нашей дочери, говоря, что она такая же грешница, как и он, и потому обязана простить его.

Если это так на самом деле, то где же остаются слова Спасителя, сказанные в 5-й главе

Евангелия от Матфея, ст. 22 и 24? Затем, как видно из письма его матери, они во избежание преследования хотят уехать за границу. И, пожалуй, он и там захочет выдать себя за брата. Примите это к сведению. Очень просто, что он может явиться и в Румынию. Вот какие проделки сатана делает над людьми!

Теперь является вопрос: как знать простодушному человеку, стремящемуся быть истинным христианином? Вот какие испытания переносим мы, живя в узах! Дочь наша теперь живет в Ростове-на-Дону и, по словам других детей, несмотря на наложенный на нее Капустянским непомерной тяжести крест, она сильно скорбит по Капустянскому, молится, чтобы он не погиб навсегда, и ожидает его возвращения.

Прилагая при сем отдельное письмо на имя всех братьев и сестер, прошу поступить с ним по усмотрению.

Прошу принять глубокосердечный братский привет со всем твоим семейством.

Искренно уважающий И. Лясоцкий.

Примечание. В настоящее время (1908 год) брат И. Лясоцкий на старости лет своих живёт очень бедно в Нахичевани-на-Дону, а помянутая, брошенная вероломным своим мужем дочь его, вышла замуж за одного из наших братьев.

В. П.

Журнал "Баптист" № 1 и № 2, 1908 год

Комментарии
